

В.И. Дудина

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ В КОНТЕКСТЕ ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕГИТИМАЦИИ: ОТ АВТОНОМИИ ФАКТОВ К ДИСЦИПЛИНАРНОЙ АВТОНОМИИ*

В статье рассматриваются проблемы эпистемологического обоснования социологического знания в контексте исторического развития основных эпистемологических концепций: от позитивистского представления об автономии фактов и объективности научного метода до признания науки специфической социокультурной практикой. Рассмотрены основные черты неопозитивистских и постпозитивистских эпистемологических концепций с точки зрения их влияния на развитие социологического знания. Проанализирован «прагматический поворот» в эпистемологии и методологии науки. Рассмотрен принцип дисциплинарной автономии исследования как средство обоснования социологического знания в условиях отказа от идеала социально-незатронутого знания.

Сейчас, когда все чаще раздаются голоса о кризисе социальных наук и их неспособности давать объективное знание, высказываются идеи о том, что социальные науки могут предоставить своего рода уникальную эпистемологию (социальную эпистемологию), которая позволит решить многие проблемы научного знания. Классическая эпистемология занималась поиском достоверных оснований, дающих возможность рассматривать познавательный результат как знание. Сторонники новых подходов отказываются от поиска оснований. Рассматривая социальное измерение знания, они понимают под знанием любые институционализованные верования и мнения и пытаются найти социальные факторы, определяющие фор-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 02-03-18301а).

мирование так понимаемого знания, при этом наука лишается своего особого эпистемологического статуса и рассматривается как одна из культурных практик [1–4]. Признается, что «не существует свободных от контекста и над-культурных норм рациональности» [5].

Социология (прежде всего, социология знания и науки) немало потрудились над тем, чтобы релятивизировать прочие науки, выявляя их социальные корни и вскрывая те социальные процессы, которые лежат в основе конструирования научных фактов. Исследования в области социологии знания показали значительное расхождение между идеальными моделями научного знания и тем, как в действительности функционирует наука. Между тем, для социологии выявление собственной обусловленности затруднено по той причине, что она должна объяснять сама себя, а при этом практически невозможно избежать эпистемологического круга. Содействуя модификации норм и моделей познания, социология до сих пор страдает от собственной эпистемологической неуверенности.

Принципиальный дуализм познавательной установки социологии заключен в противоречии между концепцией сознания как социально-обусловленного явления и имплицитным допущением об объективности научного знания, т. н. трансцендентальной установкой. Подобная установка ведет к тому, что социальные науки, не будучи уверенными в прочности собственных оснований, претендуют на то, чтобы исследовать все прочие формы знания, существующие в обществе – от повседневного до специально-научного. При этом их инструменты редко обращаются на самих себя. Тем не менее, все настойчивее звучит требование, чтобы «поле социальных наук задалось коллективным проектом, где предметом исследования будет оно само» [6]. При этом ведущая роль в данной работе, как правило, отводится именно социологии. По мысли наиболее радикальных сторонников этой позиции, главной задачей социологии является «во избежание социального детерминизма поставлять социальным наукам инструменты рефлексии» [6, с. 27]. Более скромный проект – разработка так называемой «социологии социологии» [7] – предполагает обращение исследовательских инструментов социологии только на саму себя, а основная проблема «социологии социологии» формулируется как рефлексия «социальных условий действительности социологических практик» [7, с. 22].

Задаваться вопросом об основаниях познания традиционно считается прерогативой философов. Тем не менее, как известно, классики социологии были не чужды рефлексии над основаниями собственных теорий. Эпистемологическое рассуждение было неотъемлемой частью классических социальных теорий и, явно или неявно, всегда присутствовало в социальной науке. Если естественная наука возникла из эксперимента, то социальная – из эпистемологического рассуждения, стимулируемого сомнением в возможности познать объект, находясь внутри этого объекта. Новые социологические теории возникают не столько из обобщения новых эмпирических данных, сколько из критики эпистемологических оснований предыдущих теорий. Говоря о трансформации социологического знания, уместно говорить не о кумулятивном развитии, а об эпистемологических разрывах. Нельзя сказать, что состояние обеспокоенности собственными основаниями характерно для «нормальной» (в смысле Куна) естественной науки, но, вероятно, эпистемологическая рефлексия составляет неотъемлемую часть того, что может считаться «нормальной» социальной наукой: «практика научных исследований в области астрономии, фи-

зики, химии или биологии обычно не дает никакого повода для того, чтобы оспаривать самые основы этих наук, тогда как среди психологов или социологов это встречается сплошь и рядом» [8]. С момента возникновения социальных наук и по сей день «Кант зримо или незримо присутствует в их судьбе. Крипидизм был и остается важнейшим элементом их эпистемологической – и даже идеологической – легитимизации» [9].

Еще Карл Маннгейм указывал на то, что «историческое, социально обусловленное знание по самой своей природе реляционно, т. е. может быть сформулировано лишь в соотнесении с определенной позицией» [10, с. 72]. Тем не менее, подобная точка зрения с трудом пробивает себе дорогу – представление о том, что объективное знание универсально и вневременно, является слишком глубоко укорененным предрассудком. А подобный предрассудок, сталкиваясь с реальной исследовательской практикой, порождает утверждения о релятивизме социального знания. Релятивизм возникает как следствие несоответствия между новым пониманием структуры мышления (пониманием того, что социологическое мышление всегда обусловлено данной конкретной социальной позицией) и эпистемологией, ориентированной на статическую мыслительную парадигму. Данное несоответствие приводит к выводу о несостоятельности любого социально-обусловленного знания. Классическая эпистемология, в попытках задать нормы для научного знания, трактовала любые социальные детерминанты познания, как помехи, которые вносят искажения в более или менее прозрачный процесс познания. Из всех культурных практик знание представлялось наиболее незатронутым социальной реальностью. Современная эпистемология утратила явно выраженный нормативный характер, превратившись из логики и рациональной реконструкции науки в вид эмпирического исследования существующей научной практики. Поскольку все утверждения о неизменных основаниях науки оказались относительными, от современной эпистемологии требуется разработать способ обоснования знания в рамках релятивистской системы. В этих условиях задача эпистемологии, применительно к социологии, состоит в том, чтобы обрисовать границы, специфику и возможности перспективы, из которой дает свои интерпретации социальная наука, прояснить условия, при которых социальное знание конструируется и социально поддерживается. Основная цель состоит в том, чтобы наметить контуры новой эпистемологии для социальных наук, которая бы включала социальную обусловленность знания как необходимую предпосылку.

Любая позитивная наука* начинается там, где ставится точка в череде философских сомнений относительно познаваемости реальности и четко ограничивается область, в рамках которой допускаются только такие вопросы, на которые можно получить более или менее надежные ответы. Такое ограничение было названо М. Хайдеггером «раскрытием предметной сферы». Исследование – предметная сфера, раскрытая для своего развертывания, и определенный метод, образ действия в рамках этой предметной сферы. Позитивная наука принимает свою «предметную сферу» как нечто само собой разумеющееся. Раскрытие предметной сфе-

* Здесь термин «позитивная наука» употребляется не в смысле следования нормам позитивистской эпистемологии, но как обозначение области положительных знаний в противоположность области философской рефлексии.

ры аналогично утверждению: «Это является таковым потому, что таковым является», которое делает излишними все дальнейшие рассуждения об истинности или ложности принятых предпосылок. Занимаясь предпосылками, лежащими в основе раскрытия определенной предметной сферы, эпистемология имеет непосредственное влияние на методы и практику научного исследования через предписание условий, определяющих принадлежность конкретного высказывания к сфере научного дискурса. Определяя условия, которым должно удовлетворять определенное высказывание, чтобы восприниматься как научное, эпистемология выполняет легитимирующую функцию по отношению к научному знанию.

«Региональные эпистемологии» (основания получения знаний в конкретных науках) всегда, явно или неявно, находятся под влиянием общеполитических эпистемологических концепций, поэтому, говоря о модификации эпистемологической стратегии в социологии, необходимо рассмотреть трансформации, которые произошли в общеполитической эпистемологии. Необходимо выяснить, каким образом различные эпистемологические доктрины оказывали и продолжают оказывать влияние на концептуализацию предпосылок социологии и способы интерпретации социальной реальности, на теорию и методологию исследований, на представление о структуре и функциях социологического знания.

На этапе становления социологии задача эпистемологического обоснования заключалась в том, чтобы доказать ее возможность добывать объективное знание, подобно тому, как это удается наукам естественным. Когда дискуссия об эпистемологическом статусе социального знания фокусировалась вокруг отличий социальных и естественных наук, рассуждения велись «на поверхности» – различия объекта и метода были очевидны. В настоящее время в центре эпистемологической полемики вокруг научного статуса социальных наук стоит не проблема их отличия от естественных наук, а рефлексия над их общностью и над тонкими различиями внутри самого корпуса социальных наук. Теперь, когда специфичность социального знания никем не оспаривается, возникает необходимость определить эту специфичность позитивно (а не только через отрицание – противопоставление естественным наукам). Задача – выявить общность социального знания на более глубоком уровне, чем уровень конкурирующих теорий и методологических подходов, на уровне оснований и условий возможности социальных наук как определенной культурной практики.

К концу первой трети XX века перед социологией встала проблема обоснования научных методов социальных исследований. Важность этой проблемы была особенно остро осознана в связи с широким распространением массовых социальных обследований. Произошел переход от представления о социальной науке как «реформистской» к представлению о ней как об «объективной» науке: социальные исследования, возникшие и распространившиеся как обоснование социальных реформ, потребовали последовательного обоснования собственной научности через выработку стандартных методических процедур.

Выработать четкие критерии научности позволил разрыв в способах критики, имевший место в 20-х гг. XX в. в связи с развитием неопозитивистской эпистемологической доктрины: от критики разума эпистемология переходит к критике языка. Позитивизм XIX в. ориентировался в своих исследованиях познания и в обосновании научного знания на психологию (особенности человеческой психики рассмат-

ривались в качестве основных детерминант познания), неопозитивизм делает предмет своего рассмотрения формы языка и пытается осуществить анализ знания через возможности выражения его в языке. До сих пор опиравшееся на шаткое основание индивидуальной психологии, эпистемологическое рассуждение обрело твердую почву логики-лингвистического анализа. Ограничив себя системой высказываний и признав невозможность оценки реальности, существующей «вне», за представлениями, неопозитивисты четко ограничили область, в которой можно ставить вопросы так, чтобы иметь гарантию возможности ответов.

Суть этого разрыва М. Фуко охарактеризовал следующим образом: «В ренессансной эпистеме природа рассматривалась как текст, язык. В современной эпистеме язык начинает рассматриваться как природа» [11]. Начиная с XIX в., язык становится объектом познания. Но язык как объект имеет существенное отличие от прочих объектов познания – язык сам по себе является посредником всякого научного познания. Проблематизация этого факта задает следующие направления эпистемологических исследований: во-первых, попытки сделать научный язык нейтральным, лишить индивидуальности, очистить его от случайностей; во-вторых, поиск логики, независимой от грамматики, которая выявила бы общие предпосылки мысли, независимые от особенностей языка. Поскольку критерии научного знания, выработанные неопозитивистами, до сих пор неявно присутствуют во многих рассуждениях о правилах научного метода, рассмотрим те следствия, которые неопозитивистская доктрина имела для развития социологического знания.

Один из основных принципов неопозитивизма – тезис «единства метода» – гласит, что все науки должны применять одни и те же методы, соответственно, гуманитарные науки должны иметь ту же методологию, что и естественные. Основой единства научного метода, с точки зрения неопозитивистов, является единый, универсальный и свободный от контекста логический язык. В качестве общего метода выступает «индуктивный метод» – общая теория конструируется как обобщение высказываний о фактах. Отличительная черта неопозитивизма – главенство формальной логики, формализации. Задача формализации – контроль над языком, обуздание его посредством анализа логической структуры терминов и предложений, употребляемых в научном языке. Язык трактуется как инструмент, поэтому должен обладать абсолютной прозрачностью. Таким образом, очищение научного языка от всего случайного и индивидуального должно способствовать вычленению эмпирически проверяемого содержания научного знания.

В качестве критерия научности неопозитивисты выдвинули принцип верификации, установление истинности научных утверждений в результате их эмпирической проверки. Необходимо отметить, что в основе процедуры верификации лежит принцип однопорядковости: представления могут сравниваться только с представлениями, а не с самими вещами, соответственно, все осмысленные синтетические высказывания должны быть сводимы к «протокольным» предложениям, фиксирующим данные наблюдений. Каждое осмысленное утверждение о мире является функцией истинности элементарных утверждений. Подобный редукционизм содержит в себе два допущения: во-первых, существует некий базисный уровень знания, множество так называемых протокольных предложений; во-вторых, отношения между научными понятиями исчерпываются связями формально-логического характера.

Неопозитивистский принцип редукционизма как сведения теоретических положений к элементарным высказываниям, оказал значительное влияние на методологию эмпирических исследований в социологии. Такой подход представляет теорию как набор переменных, используемых при интерпретации статистических данных. При этом «данные» трактуются как статистически-установленные факты и связи, которые должны быть многочисленными, повторяющимися и измеримыми. Само стремление унифицировать и формализовать язык социологического исследования вызывало сомнения у многих социологов: «когда эмпирическое социальное исследование впервые стало популярным, возникло чувство некоторой тревоги. Возможно ли, чтобы традиционное богатство социологической мысли могло быть переведено на язык, рассматривающий объекты социального исследования как совокупность изолированных свойств (назовем их "переменными величинами"), язык, с помощью которого общие идеи выражаются путем установления связи между этими переменными» [12]. Сомнения эти были обоснованными. В настоящее время широкое использование подобных техник привело к распространению типа теоретизирования, сфокусированного на переменных (так называемого *variable-centered type*) [13], который делает акцент на зависимостях между переменными и мало внимания уделяет исследованию причинных механизмов. Основной принцип этого типа теоретизирования – представление о том, что индивидуальное поведение может объясняться различными внутренними и внешними детерминантами, и цель анализа – оценить влияние различных переменных, представляющих эти детерминанты. Статистические связи между переменными как основной инструмент описания и анализа в значительной мере вытесняют значимые связи между событиями. При этом основной формой объяснения становится объяснение по модели «черного ящика». При таком способе объяснения предполагается, что связь между «входом» и «выходом», или между экспланантами и экспланандумом, не представляет интереса, поскольку она ненаблюдаема и являет собой, по сути, просто связь двух столбцов переменных. Подобный тип теоретизирования позволяет нам описать, каким образом переменные связаны друг с другом, но не является достаточным, чтобы выявить те механизмы, которые порождают эту связь. Таким образом, при необходимости делать выводы о внутренних механизмах, исследователь делает произвольные допущения, которые сами по себе являются неverifiedируемыми.

Неопозитивистская эпистемология утверждает идеал точного знания. Строгость логического вывода необходима именно для обеспечения точности. Но, как известно, увеличение точности ведет к уменьшению области охвата. Поскольку точность достижима в рамках определенным образом ограниченной области, то именно методология начинает определять круг доступных для изучения объектов. В качестве таких объектов, как правило, выбираются точечные объекты – факты поведения, отдельные мнения и т. п. Неопозитивистская эпистемология строит свои обоснования на принципе автономии фактов: основу знания составляют верифицированные утверждения о фактах; теория используется для интерпретации эмпирических событий, а данные наблюдений, в свою очередь, используются для оценки правдоподобия теорий; суждение должно быть либо доказано фактами, либо выведено дедуктивно или индуктивно из ранее доказанных суждений.

Принцип автономии фактов маскирует так называемое «первенство метода над сущим» [14], когда не факты и события диктуют определенный метод, но сам метод

диктует отбор фактов и событий. Факты, отобранные в соответствии с методом, служат постоянному подтверждению исходного проекта. Стандартизация и рационализация исследовательских процедур, предпринимаемые для повышения эффективности «социологического производства», ведут к бюрократизации социологического мышления. «Эмпирические факты», собранные бюрократически управляемой командой полуквалифицированных работников, не имеют ничего общего с социальными наблюдениями, требующими достаточно высоких профессиональных навыков и развитого социологического воображения [15, с. 87]. В данном контексте становится понятным высказывание М. Хайдеггера о том, что «все гуманитарные науки <...> именно для того, чтобы остаться строгими, должны непременно быть неточными. <...> Неточность исторических гуманитарных наук не порок, а лишь исполнение существенного для этого рода исследований требования. Зато, конечно, проектирование и обеспечение предметной сферы в исторических науках не только другого рода, но его и намного труднее осуществить, чем соблести строгость в точных науках» [14, с. 44]. Строгость математических и физических наук обеспечивается их точностью, т. к. все природные процессы, чтобы быть представленными в рамках этих наук, должны быть выражены «с помощью числа и вычисления». Впечатление расплывчатости, неточности, неопределенности, которое производят почти все гуманитарные науки – это лишь поверхностное следствие того, что дает им возможность определиться в их позитивности. Они погружают человека, которого и выбирают своим объектом, в конечность, в относительность, в поток времени [11, с. 374].

В 50–70-х гг. XX в., в процессе критики и ревизии неопозитивизма, возникло постпозитивистское направление в эпистемологии. Основу общности постпозитивистских концепций составляет представление об изменчивом и исторически развивающемся характере научного знания. Противники неопозитивизма указывали, что догматическое признание обоснованности и достоверности научного знания открывает дорогу иррационализму, поскольку не всякое знание может быть основано на аргументах и опыте, и сохранить рационалистическую позицию возможно лишь путем отказа от абсолютных, конечных оснований человеческого знания и действия.

Вместо стандартной концепции науки, разработанной в неопозитивизме, постпозитивисты предложили историческую модель научного знания – научное знание начинает рассматриваться как одна из сторон практической деятельности человека, структуру которой определяют психологические и социальные факторы. Нормы научного исследования, с точки зрения постпозитивистов, должны выводиться не столько посредством логического анализа, сколько через анализ реальной практики научных исследований. Внимание направляется в первую очередь не на изучение продуктов научного теоретизирования, а на сам процесс научного открытия. Научное знание рассматривается в динамике, как процесс, а не как жестко заданная структура.

Основные положения постпозитивизма можно сформулировать как антитезы неопозитивистским взглядам на научное знание. В противоположность скептицизму, догматизму и эссенциализму (окончательному объяснению посредством сущностей) – выдвигается принцип фаллибилизма (признание принципиальной погрешности и гипотетичности любого научного знания); в противоположность джа-

стификационизму (стремлению оправдать и обосновать научное знание) — идея методического рационализма (возможность определить на основании критического рассмотрения предпочтительность одних гипотез по сравнению с другими); в противовес стремлению неопозитивистов формулировать критерии оценки научных утверждений на основе принципа верификации — выдвигается проблема демаркации — отделения научного знания от ненаучного, а принцип фальсификации (потенциальной опровержимости любого научного утверждения) рассматривается как основное средство демаркации.

Постпозитивистская эпистемология сыграла, в определенной степени, роковую роль для социальных наук. Неопозитивистская доктрина имеет более ограниченный характер, но нормы научного исследования выражены в ней ясно и отчетливо. Постпозитивистская эпистемология, преодолев многие недостатки неопозитивизма, признала невозможность формулировки однозначных критериев научного знания. Принцип автономии фактов был поставлен под сомнение представлением о том, что «теории не проверяемы твердо установленными фактами» внешнего мира, потому что сами «факты» связаны с интересами ученых и с такими «исследовательскими протоколами», которые политически приемлемы для научного сообщества» [16, с. 108]. Подобные взгляды, будучи не критически восприняты некоторыми представителями социальных наук, способствовали релятивизации социального знания, отказу от процедур проверки и обоснования результатов, переходу к дескриптивному типу исследований в ущерб объяснительным моделям.

Пафос многих постпозитивистов состоял в том, чтобы показать, что естественные науки не являются более строгими и точными, чем социальные, что часто их основания столь же неопределенны и туманны. Занимаясь преимущественно проблемой знания в естественных науках, постпозитивистская эпистемология, вольно или невольно, способствовала более глубокому пониманию специфики исследовательской практики в социальных науках и предоставила последним большую свободу индивидуального развития, не ограниченного постоянно маячащим вдалеке идеалом строгой Науки, освободив их от «смирительной рубашки» позитивизма. Какие же черты социального знания получили легитимацию в эпистемологической доктрине постпозитивизма?

Одна из характеристик социологического знания, заставляющая сомневаться в его научности — некумулятивный характер, обусловленный семиотической неоднородностью и тесной связью с практическими потребностями. Прогрессивное развитие научного знания было безусловной ценностью неопозитивистской эпистемологии. Ккумулятивность научного знания обосновывалась через принцип инвариантности значения, состоящий в том, что правильное объяснение не должно изменять значений главных дескриптивных терминов научной теории, которые, в свою очередь, могут быть однозначно определены на основе терминов наблюдения. Постпозитивизм ставит под сомнение прогрессивное развитие науки. С точки зрения П. Фейерабенда, переход от одной теории к другой (например, от более общей к менее общей) не оставляет содержание терминов наблюдения неизменным. Теория не может опровергаться непосредственно фактами. Для опровержения какой-либо теории нужна, по крайней мере, еще одна теория, которая не обязательно должна быть сформулирована в явном виде, а может представлять собой часть фонового знания исследователя. Таким образом, переход от одной теории к другой

связан с неизбежными эпистемологическими разрывами. Появление новой теории изменяет взгляд на наблюдаемые и ненаблюдаемые свойства мира и вносит соответствующие изменения в значения даже наиболее фундаментальных терминов [17, с. 90]. Таким образом некумулятивность социологического знания получает свою эпистемологическую легитимацию. Как видно по куновскому анализу в «Структуре научных революций», если нормальная наука существует успешно, она решает задачи, которые сама ставит перед собой как разрешимые, так что рост встроен в такое развитие. После революционного перехода история науки переписывается, так что более ранние успехи иногда игнорируются как неинтересные, а «интересным» становится как раз то, в чем преуспела постреволюционная наука. Таким образом, чудесный поступательный рост науки может рассматриваться как артефакт обучения и учебников.

В качестве основного отличия социальных и естественных наук часто указывают на то, что социальные факты не являются чистыми утверждениями наблюдений, они всегда внутренне субъективны, то есть аккумулируют как интерпретации социальных деятелей, так и интерпретации исследователей. Постпозитивизм подчеркивает активную роль теории в конструировании научных фактов: наблюдения всегда теоретически нагружены. Теория рассматривается не только как удобная схема для упорядочения фактов, но как особый способ конструирования самих научных фактов: теории полностью детерминируют представление о реальности. «Можно сказать, что “природа” в тот или иной период времени представляет собой наше собственное создание в том смысле, что все свойства, приписываемые ей, сначала были изобретены нами, а затем использованы для упорядочения окружающей среды» [17, с. 31].

В постпозитивистской эпистемологии получила легитимацию такая черта социального знания, как связь с интересами социальных групп, с идеологией. Постпозитивизм рассматривает влияние научных сообществ на научные результаты как неотъемлемую черту научного дискурса. Признанная сообществом парадигма задает критерий для выбора проблем, которые могут считаться в принципе разрешимыми, пока эта парадигма принимается без доказательства. Парадигма в этом случае может даже изолировать сообщество от тех социально важных проблем, которые нельзя свести к типу головоломок, поскольку их нельзя представить в терминах концептуального и инструментального аппарата, предполагаемого парадигмой [8]. Кун и Фейерабенд дали объяснение смены теорий, исходя из внешних социальных факторов – побеждает теория, у которой на данный момент большее количество авторитетных сторонников. Несмотря на то, что постпозитивисты рассматривали только социальную группу ученых и идеологию научного сообщества, не проследившая их связь с более широким социальным контекстом, тем не менее, была признана социальная детерминированность научного знания.

Плюрализм социального знания, характеризующийся наличием многих конкурирующих теорий и различных точек зрения, получил легитимацию в форме тезиса о «пролиферации теорий». В соответствии с этим принципом, ученые должны стремиться создавать теории, несовместимые с существующими и признанными теориями. Создание альтернативных теорий способствует их взаимной критике и ускоряет развитие науки. Таким образом, пролиферация теорий рассматривается как средство минимизации внешних влияний на научное знание. Инструмент, способ-

ствующий пролиферации теорий — принцип контриндукции. Если в неопозитивизме именно «опыт» и «факты» служат мерилем успеха теорий, а расхождение между ними и теорией подвергает теорию опасности и даже может заставить отбросить ее, то контриндукция рекомендует вводить гипотезы, которые несовместимы с хорошо обоснованными теориями или фактами. По мнению Фейерабенда, требование совместимости, согласно которому новые гипотезы должны логически согласовываться с ранее признанными теориями, способствует сохранению более старой, а не лучшей теории.

Неопозитивизм провозглашал автономность сферы фактов и возможность независимой эмпирической проверки и доказательства. Постпозитивизм отверг объяснение смены теорий в науке нахождением опровергающих фактов и признал автономность теории по отношению к опыту, охарактеризовав неопозитивистскую индукцию как «логику согласованных, а не истинных суждений». Признав отсутствие единых критериев научного знания, постпозитивизм провозгласил принцип методологической автономии исследования: «поиск истины не подотчетен никому и ничему вне пределов самого этого поиска; нормативные стандарты научной практики выводятся из самой науки, даже если в любой конкретный период интересы науки тесно переплетены со всеми остальными заботами человечества» [18]. Если используемые методы доказали свою успешность, они не должны подгоняться под нормативные стандарты, поскольку сами эти стандарты являются продуктом борьбы научных сообществ и направлены на сохранение господствующего типа теоретизирования или господствующей парадигмы. Идеи, модели и концепции, которые возникают в результате борьбы научных сообществ, смены парадигм и конкуренции теорий, характеризуются «амнезией происхождения», отрываются от контекста своего производства и получают право на самостоятельное существование. Постпозитивистская эпистемология стремится учесть влияние особенностей коммуникации внутри научных сообществ на процесс производства знания, чтобы, в перспективе, освободить знание от этих влияний.

Общность неопозитивистской и постпозитивистской эпистемологии состоит в том, что в обоих случаях поддерживается идеал социально-незатронутого знания. Если неопозитивизм стремится освободить научное знание от внешних влияний через формализацию научного языка, выработку четких формальных правил и логическую реконструкцию, то в постпозитивистской эпистемологии освобождение знания от практического контекста его производства предполагается осуществить через прояснение реально-используемой логики научного исследования. И в том, и в другом случае научное знание наделяется особым эпистемологическим статусом. Тем не менее, указав на тесную связь научного знания с социальными факторами, постпозитивистская эпистемология подготовила почву для трактовки его как знания, укорененного в практическом контексте, как языковой игры или как особой культурной практики. В контексте этих изменений можно говорить о важной трансформации в эпистемологии и методологии социальных наук, которую иногда характеризуют как «прагматический поворот» [19].

Разделение сферы идей и сферы практического действия представляет собой существенную черту классического типа мышления. Действия «осуществляются», «случаются», «происходят», а идеи описывают эти действия, объясняют их, приписывают им смысл. Действия и идеи имеют разный источник происхождения —

идеи возникают из разума, действия — из практики. Прагматический поворот состоит в переходе к осознанию слов и идей как действий и в придании решающего значения области «непредставляемого»: все сказанное имеет смысл только в контексте невысказанного (практики). Термин «поворот» указывает на существование эпистемологического разрыва, на смещение в осознании связи теории и фактов, идей и реальности. Основной чертой данной трансформации является устранение различия между высказыванием и действием. Примат деятельности (контекста) по отношению к мысли (значению) — основное допущение, лежащее в основе прагматического поворота в эпистемологии и методологии социальных наук.

В эпистемологии прагматический поворот был в значительной мере обозначен публикацией работы английского философа М. Полани «Личностное знание» [20]. В познавательной деятельности Полани выделяет явные и неявные компоненты. В науке явное знание представлено как интерперсональное знание (в понятиях и теориях), а неявное — как личностное знание, вплетенное в искусство экспериментирования и теоретические навыки ученых, в их пристрастия и убеждения. С точки зрения Полани, имплицитный, скрытый (не выраженный в словах и правилах) элемент познавательной активности представляет собой не «неформализуемый избыток информации», а саму основу логических форм знания.

В соответствии с классической концепцией объективности, сфера опыта должна описываться с помощью набора однозначных правил. «Правила метода» существуют как писанные правила, как определенные нормы, которые необходимо знать и которым желательно следовать. Но проблема заключается в том, что процесс научной деятельности не поддается полной формализации: «Каждый из нас настолько боится признаться в том, что работает с наполовину туманными понятиями, точный смысл которых ему не известен, что передает другим только то, что ему кажется четко определенным. <...> мы понимаем большинство понятий с помощью способности, справедливо называемой “чувством реальности”. Она позволяет нам распознавать идеи, которые сочетаются между собой и касаются чего-то насущного» [21, с. 192]. Никакие «правила научного метода» не могут исчерпывающе описать процесс научного исследования, поскольку для приложения формальных правил к фактам опыта необходимо личное суждение. Любое применение писанных правил к конкретной ситуации содержит долю неопределенности и, в той или иной мере, требует принятия личностного решения. «Писанные правила могут быть полезными, но в целом не они определяют успешность деятельности; это максимы, которые могут служить путеводной нитью только тогда, когда они вписываются в практическое умение» [20, с. 83]. Максимы представляют собой формализуемую часть личностного знания, то есть ту часть, которая может передаваться как набор формальных правил. Но максимы всегда функционируют в контексте практического искусства и навыка. Разные люди, руководствующиеся одними и теми же максимами, могут прийти к разным выводам, поскольку кроме максим существуют еще правила, осмысленные только в контексте личностного знания и действия.

Функционирование личностного знания аналогично применению инструмента, используя который для достижения цели, мы рассматриваем его как продолжение нас самих. Инструмент осознается периферическим сознанием, а фокус сознания направлен на те объекты, которые являются непосредственной целью деятельности. Переключение внимания на инструмент парализует действие. Используя эти

понятия, можно объяснить, как укореняются в нас наши убеждения, системы понятий и прочие так называемые «интеллектуальные инструменты». «Принимая определенный набор предпосылок и используя их как интерпретативную систему, мы как бы начинаем жить в этих предпосылках, подобно тому, как живем в собственном теле. Нефилитическое их усвоение представляет собой процесс ассимиляции, в результате которого мы отождествляем себя с ними. Эти предпосылки не провозглашаются и не могут быть провозглашены, поскольку это возможно лишь в рамках той системы, с которой мы отождествили себя в данный момент. А так как сами эти предпосылки и образуют эту систему, они в принципе не могут быть сформулированы» [20, с. 29].

Можно выделить несколько позиций по вопросу о сущности практического знания [22, р. 23]. Сторонники первой точки зрения рассматривают практическое знание как «сжатие» внутри текстуры знания как такового. В соответствии с этой позицией, практическое знание имеет важное значение, но не трансформирует наши эпистемологические убеждения. Сторонники второй точки зрения утверждают, что существует особый пласт практического знания, который не может быть сведен к пропозициональному знанию. Более сильная версия второй точки зрения состоит в том, что практическое знание служит основанием знания вообще. Если сформулировать еще более сильную версию, то можно сказать, что все теоретическое знание представляет собой артикуляцию и расшифровку знания, редуцируемого к практике, и само теоретизирование представляет собой одну из практик среди прочих. Вариации этого тезиса применительно к соотношению «теории» и «практики» в социальной науке простираются от утверждения, что практика не сводима к теоретическим моделям и может быть «схвачена» лишь частично до убежденности в самостоятельности практики и в необходимости выработки в рамках социальной теории особой «теории практики» [23].

Одна из характеристик «прагматического поворота» – критическое отношение к позиции «абсолютного наблюдателя», с которой ученые выносят свои суждения. Философ-прагматист Джон Дьюи назвал подобную позицию зрительской (spectator) теорией знания. Исследователь, находящийся на объективистской позиции, воспринимает социальную жизнь как спектакль, разворачивающийся перед ним, который можно интерпретировать и осмысливать, а не как среду, в которой необходимо действовать и выживать, реализуя различные практические стратегии. Существует принципиальная несимметричность перспектив исследователя и участника. Интерпретации и объяснения участников подчинены практическим задачам и встроены в практические стратегии. Интерпретации исследователя подчинены императиву познания. Для участника практика – среда действия, для исследователя – предмет наблюдения. «Практика подвергается искажению уже в силу того, что она берется с определенной “точки зрения” и что она, таким образом, преобразуется в предмет (наблюдения и анализа)» [23, с. 53]. Но наблюдение над практикой, осуществляемое исследователем, встроено в практику существования его как исследователя. Таким образом, осуществляя познание, якобы не затронутое социальным миром, исследователь на деле подчиняется практическим императивам той позиции, которую он занимает как участник (например, определенного научного сообщества). При такой постановке вопроса понимание, вживание, отказ от исследовательских интерпретаций и замена их отчетами самих участников не могут

рассматриваться в качестве решения проблемы, поскольку в любом случае они несут отпечаток частичного видения (например, в форме отбора участников, чьи отчеты рассматриваются). Именно практика становится предпосылкой акта понимания*.

Прагматический поворот характеризуется кардинальным пересмотром вопроса об основаниях знания. Озабоченность классической эпистемологией поиском метафизически-достоверных оснований знания, языка, морали сменяется точкой зрения, что отсутствие оснований не угрожает ни языку, ни науке, ни здравому смыслу. По словам Витгенштейна, такое положение дел оставляет все в точности так, как оно есть. Всеобщий поиск оснований рассматривается как излишний по той причине, что все наши знания составляют неотъемлемую часть языковой и социальной практики. Теперь обоснование выступает скорее как доказательство возможности социологии в качестве специфической социокультурной практики. При этом встает задача показать особенности данной практики по сравнению другими, также имеющими дело с описаниями социального мира (включая и практики повседневности).

Таким образом, задача состоит в том, чтобы сконструировать особую позицию через проявление ограничений, накладываемых частной точкой зрения. Идея реконструкции науки, будь то логическая реконструкция неопозитивистов или историческая реконструкция постпозитивистов, уступает место идее саморефлексии в форме эмпирического исследования науки как социокультурной практики. По мнению Г. Терборна, способность к саморефлексии представляет собой главное достижение социологии XX в. [25, р. 37]. От обоснования изнутри научного или философского дискурса эпистемология происходит к обоснованию с точки зрения «внешних границ»: от конкретного дискурса к внешним условиям его возможности.

Один из подходов к решению проблемы обоснования в этих условиях – программа «объективации объективирующего субъекта», предложенная П. Бурдьё. Данная программа может рассматриваться в качестве средства нейтрализации воздействия со стороны социального мира на самого социолога. Эта программа как метод совместного анализа истории объекта и истории категорий восприятия и мышления исследователя – своеобразная альтернатива постмодернистской эпистемологии. Цель «объективации объективирующего субъекта» не в том, чтобы «дискредитировать ученое познание в той или иной его форме и противопоставить ему или заместить его, как это часто случается, более или менее идеализированным практическим познанием, а в том, чтобы более полно обосновать его, освободив от искажений, накладываемых эпистемологическими и социальными условиями его производства» [23, с. 53].

В качестве главной причины «донаучности» социологического знания Бурдьё указывает на недостаточную автономию поля социологии: «Одна из причин, из-за которой социологии (да и социальным наукам вообще) трудно освободиться от донаучности, заключается как раз в том, что лишь с большим трудом ей позволяют

* «Предполагается, что ясное и отчетливое понимание новых идей должно предшествовать их формулировке и социальному выражению. Сначала у нас есть идея или проблема, а потом мы действуем, т. е. говорим. Однако маленькие дети, которые пользуются словами, комбинируют их, играют с ними, прежде чем усвоят их значение, первоначально выходящее за пределы их понимания, действуют совершенно иначе. Первоначальная игровая активность является существенной предпосылкой акта понимания» [21, с. 156].

решать социологические проблемы по-социологически» [6, с. 18]. Принцип автономии определенной дисциплины – такой принцип, по которому «в игре находится лишь то, что ее затрагивает». Согласно Бурдье, показатель степени автономности той или иной дисциплины – наличие возможностей специфической аргументации – например, социологических аргументов для социологов. «Дисциплинарная автономия» предполагает, в первую очередь, автономию от политического или экономического заказа, в форме критического отношения к навязываемым или категориям. Показателем дисциплинарной автономии может служить так называемая «способность к рефракции», т. е. к переводу внешних факторов в специфическую форму [26, с. 52]. В данном случае внешние факторы уже не рассматриваются как внешние в полном смысле этого слова, но берутся в той мере, в какой само поле определенной дисциплины переводит их в специфическую форму.

Эпистемологическая легитимация социологического знания проделала путь от позитивистского представления об автономии фактов до признания науки специфической социокультурной практикой, навязывающей определенные интерпретации фактам и детерминирующей отбор методов. В социальных науках всегда существовала возможность для широкой интерпретации фактов таким образом, чтобы они удачно вписались в контекст той или иной теории; постпозитивистский тезис о теоретической нагруженности наблюдений окончательно разрушил представление об автономии фактов. Обоснование социологического знания через апелляцию к научной методологии было поставлено под сомнение, в частности, обнаружением так называемых «народных моделей» (folk models) [27; 28]. Точка зрения, что способы получения знаний о социальном мире в повседневной жизни и социологии имеют гораздо больше сходств, нежели различий, не позволяет обосновывать социологическое знание через постулирование объективности научного метода. В настоящее время социологами и философами науки делаются попытки эпистемологической легитимации социологического знания через доказательство того, что социология является особой социокультурной практикой. Подобный способ обоснования заставляет ставить вопрос о дисциплинарной автономии. Социология как автономная дисциплина характеризуется способностью к преломлению «социальных проблем» и «политических требований» в соответствии с дисциплинарными закономерностями. Данный критерий является фильтром, не позволяющим людям, малокомпетентным с точки зрения собственно социологического знания, участвовать в социологическом дискурсе, прикрываясь «актуальностью» решаемых ими проблем.

Литература

1. Goldman A. Epistemics: The Regulative Theory of Cognition // The Journal of Philosophy. 1978. № 75.
2. Goldman A. Epistemology and Cognition. Cambridge, 1986.
3. Goldman A. Foundations of Social Epistemics // Synthese. 1987. № 73.
4. Goldman A. Knowledge in a Social World. Oxford, 1999.
5. Barnes B., Bloor D. Relativism, Rationalism, and the Sociology of Knowledge // Rationality and Relativism / Ed. M. Hollis and S. Lukes. Cambridge, 1982.
6. Бурдье П. За рационалистический историзм // S/П' 97. Альманах Российско-французского центра социологических исследований Института социологии РАН. М.: Институт экспериментальной социологии, 1996.